
Вячеслав ВЛАЩЕНКО

«ЗИМНЕЕ УТРО» А. С. ПУШКИНА КАК ЧУДО РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Стихотворение «**Зимнее утро**» было написано Пушкиным **190 лет** тому назад, **3 ноября 1829 года**, в селе Павловском Старицкого уезда Тверской губернии, в имении П. Вульфа¹.

Это одно из самых радостных стихотворений гениального русского поэта, «чудесного явления России» (С. Булгаков), поэта, в художественном слове которого естественно и органично соединяются «детская непосредственность» (В. Непомнящий) и «природная внутренняя свобода» (Г. Федотов), «головокружительный лаконизм» (А. Ахматова) и «неслыханная простота» (Б. Пастернак), удивительная ясность и в то же время «бездна пространства» (Н. Гоголь), таинственная сложность и поразительная смысловая глубина, очевидная для современного читателя-исследователя.

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Вячеслав Иванович Влащенко — литературовед, методист. Автор трех книг («Проблема литературной преемственности на уроках внеклассного чтения в старших классах» (Л., 1988), «Уроки литературы в выпускном классе» (в соавторстве с Г. Н. Иониным; СПб., 2009), «Современное прочтение романа М. Ю. Лермонтова „Герой нашего времени“» (СПб., 2014) и более 120 публикаций о русской литературе XIX—XX веков («Московский пушкинист», «Social Sciences», «Вопросы литературы», «Литература в школе», «Русская словесность», «Литература», «Начальная школа» и др. издания). Лауреат премии журнала «Нева» (2018).

¹ 3 ноября, уточняет текстолог Я. Левкович, «Пушкин пишет первые четыре строфы стихотворения <...> а затем через несколько дней вписывает и пятую строфу» (Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841 (История заполнения) // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XII. Л., 1986. С. 264).

Скользя по утреннему снегу,
 Друг милый, предадимся бегу
 Нетерпеливого коня
 И наведем поля пустые,
 Леса, недавно столь густые,
 И берег, милый для меня.

Об этом стихотворении можно сказать словами великого православного мыслителя И. Ильина (1883–1954), размышлявшего об уникальном даре Пушкина: «...эта словесная ткань исключительно легка и гармонична в поэтическом отношении <...> Прекрасна и легка каждая строка и каждая строфа; и каждый образ — «точен» <...> и все пронизано безупречным вкусом и высвечено внутренним огнем <...> все ясно и светло, словно пронизано солнечным лучом...»²

В записях замечательного русского писателя Г. Семенова (1931–1992) мы находим искреннее признание и глубокую благодарность Пушкину, поэту-творцу (слово которого как будто приобрело сакральный характер и наполнилось скрытой силой, позволяющей преображать людей и менять их духовное состояние), и Богу, Творцу необыкновенной красоты земного мира: «...у каждого из нас было это: „Мороз и солнце, день чудесный...“ — было, но не всякий увидел, а стало быть, и не знал, что без этого ничего нет <...> потому что Бог не дал дара чувствовать красоту. <...> Господи! Спасибо за красоту и благодать. Кланяюсь в ножки и благословляю твою прекрасную землю, на которой суждено мне было родиться и жить»³.

В огромной исследовательской литературе о лирике Пушкина можно выделить несколько работ с разбором стихотворения «Зимнее утро».

Ленинградский поэт **Вс. Рождественский** (1895–1977) в своей книге «Читая Пушкина», обращенной прежде всего к широкому читателю и к школьникам, дает развернутый и простой комментарий к осмыслению **художественных особенностей** всех пяти строф стихотворения: искусное использование четырехстопного ямба и чередования женской и мужской рифмы на примере первой строфы, приема противопоставления во второй и третьей строфах, смены зрительных слуховыми образами в четвертой и использование «сложного эпитета» в пятой строфе⁴.

Известный филолог **Н. Шанский** (1922–2005) предлагает **лингвистический комментарий** «Зимнего утра» и объясняет точный, по его мнению, смысл отдельных слов и образов стихотворения: «открой сомкнуты негой взоры», «Аврора», «звезда», «вечор», «мгла», «лежанка», «запречь»⁵.

Крупнейший российский литературовед **Л. Гинзбург** (1902–1990), обращаясь к «Зимнему утру», пишет о «многообразном использовании» Пушкиным разных **художественных стилей**: в первой строфе выражены «батьюшковские, анакреонтические ценности», во второй — в изображении романтического пейзажа «Батьюшкова сменяет Жуковский (особенно балладный)», в четвертой — «строится прозаическое пространство с предметными, зримыми атрибутами», использована «фламандщина», в пятой строфе появляется «эмоциональный тон высокой элегии», вызванный «прощанием с любимой осенью», и происходит выход в «завершающую экзистенциальную тему» произведения, «бросившую на него обратный свет»⁶.

По мнению историка литературы **Г. Фридлендера** (1915–1995), в этом и других «зимних» стихотворениях («Зимний вечер», «Зимняя дорога», «Бесы») и фрагментах

² Ильин И. А. Александр Пушкин как путеводная звезда русской культуры // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 3. М., 1997. С. 223.

³ Семенов Г. Убегающий от печали // Новый мир. 1996. № 9. С. 141, 156.

⁴ Рождественский В. А. Читая Пушкина. Л., 1962. С. 163–166.

⁵ Шанский Н. М. Лингвистический анализ художественного текста. Л., 1990. С. 279–287.

⁶ Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Л., 1982. С. 28–29.

из «Евгения Онегина» Пушкин «вступает в своеобразное **соревнование с Вяземским**», автором стихотворения «Первый снег» (1817), «добиваясь более широкого и разностороннего изображения картин зимней природы и зимней жизни, взятых с разных точек зрения и освещенных жизненным опытом, вкусами и интересами людей разных поколений и неодинакового жизненного опыта»⁷.

Фольклорист из Волгограда **Д. Медриш** (1926–2011), анализируя поэтику стихотворения Пушкина, обнаруживает в нем проявление **фольклорной традиции** на разных уровнях текста: построения фразы («лексические повторы характерны для народно-песенной поэтики»), художественной детали («В русском фольклоре огонь в печи — символ радости...»), композиции и сюжетной ситуации («Все стихотворение „Зимнее утро“ — монолог, точнее — односторонний диалог, столь характерный именно для русской лирической песни <...> завершается стихотворение картиной предполагаемой поездки в одних санях с милой — ситуация, характерная для народной лирической песни, прежде всего — обрядовой») ⁸.

Современный пушкинист **О. Муравьева** полностью разделяет позицию Д. Медриша и подтверждает, что «характер стихотворения во многом определяют лежащие в подтексте фольклорные представления и образы», что «постоянная переключка поэтического текста со свадебной обрядовой лирикой наверняка не является намеренной»⁹.

Но все эти работы, по сути, являются не столько анализом, сколько разнообразным **комментарием** к тексту произведения — лингвистическим, стиховедческим, стилистическим, тематическим. Обращаясь к содержанию стихотворения, исследователи очень просто определяют его главную тему: это «обращение, призыв, приглашение на прогулку по сверкающим, зимним снегам» (Вс. Рождественский); это «непосредственная и безыскусственная зарисовка чувств и мыслей поэта, вызванных красотой и прелестью зимнего утра в деревне» (Н. Шанский); это «стихотворение, в котором особенно ярко выражено праздничное восприятие русской зимы» (О. Муравьева), стихотворение, в котором «мы слышим томление по счастью» (Е. Маймин)¹⁰ или «предчувствие счастья» (Д. Медриш).

В пушкиноведении на сегодняшний день практически нет проблемных статей о духовном, высшем смысле «Зимнего утра», нет его разных интерпретаций. И это связано, видимо, с тем, что очень точно отметил русский философ С. Франк (1877–1950): «Поверхностное отношение к духовному миру Пушкина отчасти определено самой формой его поэзии. Она так законченно прекрасна, что эстетически приковывает к себе, пленяет сознание читателя и — странным образом — отвлекает внимание от глубины и значительности выражаемого ею духовного содержания <...> где есть истинная красота — там всегда есть духовное величие, духовная значительность»¹¹.

Если при чтении «Зимнего утра» мы поднимемся над желанием просто восхищаться «без мысли музыкой стихов, четкостью и красочностью образов» и увидим нравствен-

⁷ Фриденлер Г. М. Поэтический диалог Пушкина с П. А. Вяземским // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л., 1983. С. 169.

⁸ Медриш Д. Н. Томление по счастью. Фольклорная традиция в пушкинской лирике («Зимнее утро») // Московский пушкинист. Вып. X. М., 2002. С. 56–65.

⁹ Муравьева О. С. Зимнее утро // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 2. Е–К. СПб., 2012. С. 190–191.

¹⁰ Е. Маймин (1921–1997), сравнивая «Зимнее утро» с «Зимней дорогой» (1826), заключает: «И здесь тоже основная тема — тема душевного покоя, тихих радостей жизни. И здесь мы тоже слышим то пушкинское «томление по счастью», о котором писала Анна Ахматова» (Маймин Е. А. Пушкин. Жизнь и творчество. М., 1982. С. 137). Уточним, что Ахматова писала о том, как в поэзии и прозе «глубоко Пушкин запрятал свое томление по счастью», и о «до сих пор не уловленных комплексах Пушкина: боязни счастья, то есть потери его» (Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 2002. С. 124, 127).

¹¹ Франк С. Л. Светлая печаль // Франк С. Л. Этюды о Пушкине. СПб., 1998. С. 107.

но-духовную проблему, то решение этой проблемы и позволит нам «видеть эти глубины подо льдом и познавать мудрость Пушкина сквозь ослепительное сверкание его красоты»¹², позволит осмыслить поэтическую идею, сокрытую в глубине художественных образов этого «пейзажного» стихотворения, идею, как и всегда у Пушкина, рождающуюся вместе со стихами в минуты творческого вдохновения, в момент их создания. Как справедливо замечает Н. Гей, и от простого читателя, и от исследователя Пушкина тоже требуется **вдохновение**: «Вхождение в пределы художественного мира немислимо без вдохновения. Без акта вдохновения не проникнуть в реальность онтологической природы искусства, реально ему присущую»¹³.

В конце первой главы «Евгения Онегина» Пушкин дает очень емкое, точное и «по существу строго научное» (Д. Благой) определение поэзии: **«союз волшебных звуков, чувств и дум»**. Стихи Пушкина в вершинных его произведениях и представляют собой гармоническое триединство *«звуков дивных»* («Разговор книгопродавца с поэтом», 1824), *«сладких звуков»* («Поэт», 1827), *«чувств добрых»* («Памятник», 1936) и глубоких, мудрых *«дум»*: *«Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать»* («Элегия», 1830).

«Зимнее утро» Пушкина **звучит** и как эмоциональное, взволнованное обращение к *«красавице»* с «приглашением на прогулку» (Вс. Рождественский), и как «радостный гимн красоте зимней природы» (О. Муравьева), и отчасти как «народная лирическая песня» (Д. Медриш), и как **чудесная музыка**, обещающая счастье каждому читателю, музыка, в которой «каждый звук, каждая нота полны жизни и движения»¹⁴.

Чувство радости, ликования, любви поэта к *«красавице»*, которая сравнивается со *«звездой севера»*¹⁵, «поэтическое чувство» (Вл. Соловьев) счастья и гармонии доминирует в этом стихотворении, а источником этой ликующей радости является прежде всего **красота** и зимней природы, и *«друга прелестного»*, *«друга милого»*¹⁶. И усиливается это впечатление самим звучанием стиха, его ритмом, создаваемым четырехстопным ямбом¹⁷, его «подъемной мажорной интонацией» (Д. Благой), звукописью и композицией, его стремительным полетом, приобщающим слово к музыке. С нашей точки зрения, все же не «томление по счастью», как, например, в стихотворениях «На холмах Грузии...» (1829), «Я вас любил...» (1829), «Элегия» (1830)¹⁸, а переживание как будто уже реально осуществившегося **счастья**, реальное воплощение **мечты** о счастье отражено в «Зимнем утре».

¹² Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. М., 2017. С. 11.

¹³ Гей Н. К. «Веленью Божию, о Муза, будь послушна» (О гении пушкинского вдохновения) // Пушкин в XXI веке. М., 2006. С. 76.

¹⁴ Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина. М., 1963. С. 98.

¹⁵ Как считает В. Сомов, этот образ «может означать ровность любовных отношений персонажей, красоту, скромность и постоянство одного лирического персонажа, неизменность чувственного влечения другого» (Сомов В. П. Словарь иносказаний Пушкина. М., 2009. С. 88). По мнению Н. Шанского, «слово звезда (севера) обозначает здесь самую достойную женщину (Петербурга)» (Шанский Н. М. Указ. соч. С. 284).

¹⁶ «Поэтический огонь, рождающийся от встречи с красотой, вскрывает не только то, где лежит источник творческой энергии в человеке, но вводит нас в тайну преображения человека» (Зеньковский В. В., прот. Пушкин // «В краю чужом...» Зарубежная Россия и Пушкин. М., 1998. С. 339).

¹⁷ «Конечно, не одним только размером определяется музыкальный характер поэтического произведения <...> Но стихотворный размер всегда является первичной основой, той канвой, на которую ложатся все дальнейшие звуковые узоры» (Рождественский Вс. А. Указ. соч. С. 40–41).

¹⁸ Может быть, именно это чувство является одним из главных импульсов творческого вдохновения Пушкина в Болдинскую осень. Ср.: «Пушкин всеми силами души стремился жениться на Наталии Гончаровой, и это стремление, задержанное внешними обстоятельствами, сублимировалось в небывало могучем творческом порыве осени 1830 года» (Баевский В. С. Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма. М., 2011. С. 82).

Уже в первом же стихе — «Мороз и солнце; день чудесный!» — выражена кульминация **радости** от красоты, творческого вдохновения, счастья, свободы, упоения жизнью, чувства гармонии со всем миром и самим собой¹⁹. Это та всеобъемлющая радость, глубинную сущность которой так определил И. Ильин: «...радость есть духовное состояние; она ликует творческим ликованием; она сияет Божьими лучами. И настоящее искусство есть именно такая радость. <...> Оно есть истинное пение из глубины; оно — дитя целомудренного вдохновения; оно есть выношенное в духе видение»²⁰.

А во второй строфе радости зимнего утра неожиданно противопоставлена глубокая **печаль**²¹ вчерашнего вечера, печаль, которая в последующих строфах стихотворения, кажется, очень легко побеждается «радостью бытия»²², одухотворяющей человеческое и поднимающей его к горнему свету.

В стихотворении четырьмя строфами радости противостоит одна строфа печали. Не случайно писатель В. Одоевский (1804–1869) назвал Пушкина «солнцем нашей поэзии», а философ Д. Мережковский (1865–1941) в статье «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (1909), сравнивая Пушкина и Лермонтова, дал яркое образное определение: «Пушкин — дневное, Лермонтов — ночное светило русской поэзии»²³.

А теперь можно кратко сформулировать основные **проблемные** и как будто «детские» **вопросы** нашего исследования. Какова главная причина печали лирических героев стихотворения? Почему утренняя радость так легко побеждает вечернюю печаль? Кем «красавица» приходится поэту, каков характер их отношений? Есть ли тайна в этом стихотворении?

Возможное объяснение вчерашней **печали** только плохим настроением «красавицы», вызванным всего лишь непогодой, вьюгой, будет слишком уж простым, не раскрывающим ощущаемую многими читателями глубину художественного образа в поэзии Пушкина. Размышляя о традиционном восприятии зимы в русском фольклоре, А. Афанасьев (1826–1871) отмечает, что «опустошительные бури и зимние вьюги почитались порождением нечистой силы — рышущими по полям бесами»²⁴. Вьюга для лирических героев стихотворения — это не просто разбушевавшаяся природная стихия, но и реальная угроза людям со стороны нечистой силы²⁵, о чем Пушкин рассказал в «Бесах» (1830)²⁶. А в стихотворении «В начале жизни школу помню я...» (1830) речь идет о вла-

¹⁹ «В первой строке — три фразовых ударения, во второй — всего одно, и это делает начальную строку несравненно более «громкой», ритмически энергичной» (Осипов Б. «Зимнее утро»: взгляд лингвиста на стереотипы оценки стихотворного ритма // Пушкинский альманах. Вып. 1. Омск, 1998. С. 84).

²⁰ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 1. М., 1996. С. 53–54.

²¹ Современный исследователь делает аргументированное обобщение: «В поэзии первых трех десятилетий XIX в. изображение зимы подчиняется двум тенденциям: с одной стороны, это время года символизирует увядание, тоску, смерть, с другой — зима сопрягается с любовными переживаниями, чувством радости и восхищения, становясь периодом эмоционального подъема, восторга, творческого вдохновения» (Шохина Е. В. Ситуация поэтического вдохновения в зимней лирике поэтов пушкинской поры // Вестник Удмуртского ун-та. Сер.: История и филология. 2016. Т. 26. Вып. 5. С. 106).

²² «Сумеречная линия <...> сквозит в поэзии Пушкина на протяжении всей его жизни. Но линия эта хоть и постоянная, но не сплошная, а пунктирная. С ней живо контрастирует масса произведений <...> с непревзойденной до сих пор силой выражающих то, что называется радостью бытия <...> нет в России поэта, равного Пушкину по силе передачи радости бытия» (Ломинадзе С. Пушкин — поэт обыкновенного человека // Вопросы литературы. 2000. № 3. С. 134, 136).

²³ Мережковский Д. С. В тихом омуте. М., 1991. С. 379.

²⁴ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т. 1. М., 1994. С. 38.

²⁵ «Снежный бурян, связываемый с представлениями о нечистой силе, во время свадьбы сулит ссоры, злобу в будущих семейных отношениях, метель — плохую жизнь молодым» (Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5. М., 2012. С. 86).

²⁶ Текстолог В. Сандомирская предположила, что первый набросок «Бесов» «мог быть сделан в краткое пребывание Пушкина в Старицком уезде Тверской губернии (Малинники, Павловское, Берново) в середине октября — начале ноября 1829 г.» (Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828—

сти в годы юности над душой поэта двух бесов, которым противопоставлен образ «Величавой Жены» иконы Божьей Матери «Знамение», находящейся в Знаменской церкви в Царском Селе²⁷. По словам В. Лепяхина, «все стихотворение есть покаяние за юношеские измены Жене, Лик Которой был запечатлен на чудотворной иконе»²⁸.

Мотивы вьюги и печали появляются еще раньше и в других «зимних» стихотворениях Пушкина, созданных в 1825–1826 годах, но, в отличие от «Зимнего утра», написанных четырехстопным хореем: «Зимний вечер» («*Буря мглою небо кроет, / Вихри снежные крутя / <...> Наша ветхая лачужка / И печальна и темна*») и «Зимняя дорога» («*Сквозь волнистые туманы / Пробирается луна, / На печальные поляны / Льет печально свет она*»).

Поэтому можно говорить о выраженной **печали** в «Зимнем утра» не только «*красавицы*», но и **поэта**. Эта печаль их объединяет и отражает глубину их чувств, родство их душ, гармонию их взаимоотношений и любви. Эта печаль, непосредственно связанная с вьюгой, может иметь разные истоки. С глубокой печалью Пушкин может вспоминать некоторые свои произведения, написанные тогда, когда им владели греховные страсти, когда «бес молодости нередко водил его пером <...> и это скоро стало предметом скорбного раздумья для Пушкина, ложась камнем на его совесть»²⁹: «*Когда на память мне невольно / Придет внушенный ими стих, / Я содрогаюсь, сердцу больно. / Мне стыдно идиолов моих*» («Разговор книгопродавца с поэтом», 1824).

Печаль поэта может быть вызвана и памятью о бытовой, суетной, «ничтожной жизни», подобной «*хладному сну*»³⁰, о чем мы читаем в стихотворении «Поэт» («*И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он*»), написанном в 1827 году; может быть вызвана и памятью о недавно пережитом **духовном кризисе**, отраженном в таких стихотворениях 1828 года, как «Дар напрасный, дар случайный...», «Анчар», «Воспоминание»³¹:

В бездействии ночном горят во мне
Змеи сердечной угрызенья <...>
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Но в поэзии Пушкина, как пишет С. Франк, «нравственное страдание — муки совести — ведет дальше к радости и успокоению нравственного очищения, духовного катарсиса (тема возрождения, очищения от страстей и заблуждений, духовного преображения)»³².

1833 г. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. X. Л., 1982. С. 164). Другой исследователь уточняет: «...наиболее вероятная дата — 14–15 октября» (Сурат И. З. Жизнь и лира. О Пушкине: статьи. М., 1995. С. 31).

²⁷ Подробнее см.: Гришунин А. Л. Царскосельская икона Божией Матери «Знамение» и стихотворение «В начале жизни школу помню я...» // Пушкинская эпоха и христианская культура. Вып. 4. СПб., 1994. С. 2–14.

²⁸ Лепяхин В. В. Икона в русской художественной литературе. М., 2002. С. 144.

²⁹ Архим. Константин (Зайцев). Чудо русской истории. М., 2007. С. 349.

³⁰ Позднее, в «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы...» (1830), Пушкин использует образ «*мышья беготня*» как метафору обыденной жизни.

³¹ «Пройденный путь осознается как путь греха, начинается поиск новых жизненных начал, и важнейшим среди них оказывается любовь, но любовь, совершенно по-новому понятая» (Сурат И. З. Указ. соч. С. 11).

³² Франк С. Л. О задачах познания Пушкина // Франк С. Л. Этюды о Пушкине. С. 88.

И все-таки главной причиной самой глубокой печали человека, видимо, является **смерть** как «крайнее физическое зло» (Вл. Соловьев) в этом мире. В нашем восприятии именно **смерть**³³ в образе вьюги является героям стихотворения с напоминанием им о неизбежном трагическом конце любой человеческой жизни³⁴. Наш мир так устроен: все рождается и все умирает, все живое обречено на физическое исчезновение, и с этим необходимо смириться, это надо принять как закон жизни³⁵. Об угрозе смерти говорят и конкретные образы второй строфы: «мутное небо», «мгла носилась»³⁶, «тучи мрачные», «луна <...> желтела». И ночь, и зима, если мы вспомним русскую фольклорную традицию, у читателя часто ассоциируются именно со смертью.

В народных представлениях, согласно этнолингвистическому словарю, «солнце — небесное светило, источник дневного света, тепла и жизни <...> противопоставлено луне, ассоциирующейся с областью смерти»³⁷. И в стихотворении Пушкина «Зимнее утро» радости и солнцу в первой строфе противопоставлены печаль и луна — во второй.

А «злится» вьюга-смерть, может быть, от бессилия духовно сломить и физически уничтожить героев стихотворения, подобно тому как часто злятся люди в конкретной ситуации от бессилия достичь какой-то определенной цели.

Но естественная для человека мысль о смерти, о неизбежности и неотвратимости конца земной жизни вызывает у «красавицы» и поэта не отчаяние, тоску и ужас³⁸ (как, например, во многих стихотворениях Лермонтова и Тютчева), а всего лишь «печаль», которая с наступлением солнечного утра уступает место ликующей радости. Что же дает лирическим героям жизненную силу для того, чтобы противостоять угрозе смерти и радоваться солнцу и красоте зимней природы, радоваться самой жизни?

Ответ, казалось бы, очевиден: это **любовь**, взаимная, радостная, счастливая любовь. Но кто такая красавица, можно ли и нужно ли ее образ соотносить с конкретным лицом в жизни Пушкина, с его биографией?

Автор данной статьи в годы работы учителем в школе и методистом в педагогическом университете неоднократно проверял восприятие «Зимнего утра» школьниками разных классов: в младших классах дети, бессознательно чувствуя «легкое дыхание» и чистое «сияние» поэтического текста, бессознательно воспринимая чувство поэта как **любовь-нежность**, а не страсть, лирическую героиню нередко называли даже няней и вспоминали стихотворение «Зимний вечер («мой друг»; «добрая подружка»), в средних и старших классах называли подругой, любовницей. Трактовка образа «красавицы» как просто подружки-любовницы неизбежно разрушает чистоту взаимоотношений лирических героев, которые для читателя соотносятся с первоначальной чистотой

³³ С. Ломинадзе (1926–2007) отмечает, что «мысль о смерти неизбежной, с различными производными этой неизбежности, буквально пронизывает пушкинскую поэзию, хотя далеко не всегда выступает на авансцену...» (Ломинадзе С. Указ. соч. С. 131).

³⁴ Напр., в стих. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829) «выражено напряженное, отчетливое сознание всецелой власти смерти над жизнью. <...> Церковь молится о даровании „памяти смертной“ как блага, необходимого для духовной умудренности. Именно эту память смертную отчетливо выражает здесь Пушкин. Он видит всю человеческую жизнь осененной темным крылом неизбежной смерти» (Франк С. Л. Светлая печаль. С. 113).

³⁵ «У Пушкина всегда была память о смерти <...> В его зрелой философской лирике смерть принимается спокойно и просто — как естественное прекращение жизни тела» (Сурат И. «Да приступлю ко смерти смело...». О гибели Пушкина // Московский пушкинист. Вып. VI. М., 1999. С. 71, 72).

³⁶ Комментарий лингвиста: слово «мгла» использовано поэтом в значении «густой снег, скрывающий в тумане, как своеобразная завеса, все окружающее» (Шанский Н. М. Указ. соч. С. 285).

³⁷ Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5. М., 2012. С. 101.

³⁸ В 1823 году, касаясь темы смерти в стихотворении «Надеждой сладостной младенчески дыша...», Пушкин признается: «Ничтожество меня за гробом ожидает... / Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь! / Мне страшно!.. И на жизнь гляжу печален вновь...»

и белизной утреннего снега, ибо внебрачные любовные отношения с христианской точки зрения являются опасным для души человека грехом — блудом, прелюбодеянием.

Литературовед А. Чичерин (1900—1989) видит в лирической героине стихотворения «совершенно условную поэтическую красавицу, которая грустила в непогоду и должна воспрянуть в лучах зимнего солнца»³⁹. В статье Д. Медриша красавица ассоциируется с образом невесты из лирической обрядовой песни. Другие исследователи соотносят ее с Марией Борисовой, осиротевшей дочерью старичьего помещика, жившей в доме П. Вульфа, девушкой, о которой Пушкин в письме Алексею Вульфу из Малинников от 27 октября 1828 года писал: «При сей верной оказии доношу вам, что Марья Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перла в море и что я намерен на днях в нее влюбиться»⁴⁰.

Пушкинист Л. Аринштейн утверждает, что «Зимнее утро» связано с Анной Николаевной Вульф (1799—1857)⁴¹, старшей дочерью Прасковьи Александровны Осиповой (1781—1859): «Роман Пушкина с Анной Вульф начался еще в период Михайловской ссылки. Анна так никогда и не вышла замуж и еще много лет оставалась, пожалуй, самой преданной Пушкину женщиной. Он знал это и приезжал к ней в трудную минуту залечивать свои душевные раны. Так было осенью 1828 г. после разрыва с Анной Олениной. Так было и теперь, осенью 1829 г., когда Пушкин получил фактический отказ на его предложение Наталье Николаевне. В Малинниках он застал Анну одну (ее сестры гостили в Старице, а мать П. А. Осипова была в Тригорском). Они провели вместе три недели. Ранняя морозная зима добавила романтизма их встрече, создав настроение, столь гениально переданное в написанных тогда Пушкиным двух стихотворениях, которые разделяет одна ночь»⁴².

И Г. Седова предполагает, что «Зимнее утро» «обращено» именно к Анне Вульф⁴³. Но надо отметить, что Пушкин познакомился с ней еще летом 1817 года и любовные отношения у них, как установили биографы, возникли осенью 1824 года, а уже в начале 1825 года произошло охлаждение чувства со стороны поэта, что и было выражено им в одном из незаконченных стихотворений⁴⁴:

Я был свидетелем златой твоей весны;
Тогда напрасен ум, искусства не нужны
И самой красоте семнадцать лет замена.
Но время протекло, настала перемена,
Ты приближаешься к сомнительной поре <...>
Я счастья тебе желаю всей душою...

Значительно раньше Я. Левкович предложила следующий **биографический комментарий** к истории создания стихотворения: «Два стихотворения — „Зима. Что делать нам в деревне?“ и „Зимнее утро“, которые сам Пушкин датировал в тетради 2 и 3 ноя-

³⁹ Чичерин А. О стиле пушкинской лирики // В мире Пушкина. М., 1974. С. 320.

⁴⁰ См.: Соколова В. Н., Цветков Д. А. Пушкин в городе Старице и Старицком уезде // Пушкинские чтения на Верхневолжье. Калинин, 1972. Сб. 1. С. 71—72.

⁴¹ Еще несколько лет тому назад С. Фомичев утверждал: «...никто из комментаторов не пытался определить героиню стихотворения „Зимнее утро“, написанного осенью 1829 г. в тверском имении П. И. Вульфа. Пейзаж, воссозданный в стихотворении, как общепризнанно, точно рисует окрестности села Павловского. Однако нельзя вообразить, что в это время в одной комнате с молодым поэтом проживала некая женщина, о которой идет речь...» (Фомичев С. А. Служенье муз. О лирике Пушкина. СПб., 2001. С. 127).

⁴² Аринштейн Л. М. Косая мадонна и резвая мышь: Рассказы о Пушкине. М., 2017. С. 134.

⁴³ Седова Г. М. Ему было за что умирать у Черной речки. СПб., 2012. С. 127.

⁴⁴ Подробнее см.: Кибальник С. А. Пушкин: Лики и «Отраженья». Статьи, очерки и заметки. СПб., 2014. С. 97—98.

бря, связаны со старицкими впечатлениями. <...> „2 ноября“ и „Зимнее утро“ соответствуют реальным впечатлениям от двух зимних дней. 2 ноября утренняя пороша переходит во вьюгу („Вот вечер: вьюга воеет“), а утром 3 ноября вьюга уже становится воспоминанием о вчерашнем дне („Вечер, ты помнишь, вьюга злилась“). От этих стихов веет бодростью, душевной просветленностью, жизнеутверждающим духом»⁴⁵.

И другой исследователь увидел в «Зимнем утре» естественное продолжение предыдущего стихотворения: «Два „зимних“ стихотворения, написанные в Павловском, находятся в сложном внутреннем единстве. Второе как бы продолжает первое, подхватив его концовку: „Как дева русская свежа в пыли снегов!“ Кажется, что это к ней, белокурой красавице <...> обращены такие прозрачные, звенящие чистым серебряным колокольцем строфы „Зимнего утра“»⁴⁶.

С нашей точки зрения, конкретные жизненные впечатления и факты послужили только толчком, первоначальным импульсом к созданию этого стихотворения. Анна Ахматова, в значительной степени продолжающая традиции Пушкина в русской поэзии XX века, образно и очень точно раскрывает общий закон поэтического творчества: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда...» Биографический комментарий, отражающий очевидный, непосредственно воспринимаемый и поверхностный смысл текста, не приближает нас к раскрытию **тайны** стихотворения на его глубинном уровне, на котором воплощена подлинная душевная и духовная жизнь поэта и происходит «преображение жизни в поэзию» (Вл. Соловьев). Напомним глубокое суждение С. Франка: «Дух и мысль Пушкина находят в его поэзии и в его поэтических суждениях такую наивно-непосредственную, простодушную, непритязательную форму, которая легко скользит по нашему сознанию и лишь с трудом проникает вглубь. Это связано с глубоко национальным характером русского гения. Муза Пушкина — не только муза его поэзии, но и „муза“ его мысли и духовной жизни — есть настоящая русская муза: ее истинная духовная глубина, ее великая и серьезная жизненная мудрость проникнута той простотой, безыскусственностью, непосредственностью, которая образует невыразимое своеобразие русского духа»⁴⁷.

Еще **вчера** в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?» Пушкин как будто еще «грешным языком», «празднословным и лукавым», писал:

Куда как весело! вот вечер: вьюга воеет;
Свеча темно горит. Стесняясь, сердце ноет;
По капле медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу. Глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сию; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор...

Еще **вчера**, как и в предшествующие дни, были скука и тоска («Тоска! Так день за днем идет в уединенье!»), которые, правда, иногда сменялись кратковременным весельем: «Но если под вечер в печальное селенье <...> / Приедет издали в кибитке иль возке / нежданная семья: старушка, две девицы / (Две белокурые, две стройные сестрицы) — /

⁴⁵ Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина П Д № 841 (История заполнения) // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XII. Л., 1986. С. 246, 263.

⁴⁶ Пьянов А. С. Мои осенние досуги: Пушкин в Тверском крае. М., 1979. С. 241—242.

⁴⁷ Франк С. Л. О задачах познания Пушкина // Франк С. Л. Этюды о Пушкине. С. 58—59.

Как оживляется глухая сторона!»⁴⁸ Но это как будто **языческие** радость и веселье, связанные с «игровым донжуанством» (И. Сурат) и «ветренными речами», с опоэтизированными греховными страстями.

Сегодня же произошло чудо преображения. В состоянии творческого вдохновения Пушкин преображает действительность и в новом поэтическом тексте создает **идеальную** картину **христианской** любви, радости, гармонии и счастья. Стихотворение «Зимнее утро» как творческое событие, как вдохновенное воплощение мечты имеет своим истоком не просто отдельный жизненный факт, пребывание в Малинниках и в Павловском⁴⁹, но судьбоносное жизненное событие, определившее дальнейший ход его жизни, — это встреча с Натальей Николаевной Гончаровой, «ослепительная и пленительная красота» (М. Гофман) которой его поразила. По словам религиозного философа и богослова В. Зеньковского (1881—1962), «в красоте для Пушкина была „святыня“, перед которой он склонялся в „благоговении“ <...> красота была для него откровением святыни»⁵⁰.

Подобное потрясение через несколько лет Пушкин отразил в «Красавице» (1832), стихотворении о божественной природе красоты: «*Но встретясь с ней, смущенный, ты / Вдруг остановишься невольно, / Благоговевя богомольно / Пред святыней красоты*».

А еще раньше о преображающем воздействии красоты Пушкин рассказал в стихотворении «Я помню чудное мгновенье...» (1825), но тогда между идеальным образом в стихах («*гений чистой красоты*») и земным носителем внешней красоты существовала огромная пропасть («*вавилонской блудницей*» назвал поэт Анну Керн в письме к Алексею Вульф от 7 мая 1826 года). Теперь же в реальном облике Натальи Гончаровой, доброй, кроткой, религиозной, Пушкин увидел узнаваемые черты Мадонны⁵¹ и на иконе «Знамение», символизирующей христианское мировоззрение и веру⁵², и на картине, о которой 30 июля 1830 года Пушкин из Петербурга писал невесте в Москву, писал по-французски: «Я утешаюсь тем, что провожу целые часы перед белокурой Мадонной, которая похожа на Вас, как две капли воды»⁵³. Стихотворение «Мадонна» (1830) заканчивается так: «*Исполнились мои желанья. Творец / Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, / Чистейшей прелести чистейший образец*». Как отмечает современный исследователь, «Мадонна становится идеалом супружеской любви. Мечту поэта всегда видеть перед собою полотно Рафаэля <...> Творец исполняет иначе, „ниспосылая“ ему в образе Мадонны будущую супругу Наталью Гончарову»⁵⁴.

Учитывая наблюдение выдающегося филолога С. Аверинцева (1937—2004), что «византийская церковная поэзия уподобляет Деву Марию „звезде, являющей солнце“

⁴⁸ По предположению Л. Краваль, в реальности это сестры Вульф — Евпраксия и сводная сестра Алина. См.: Краваль Л. А. Пушкин и Евпраксия Вульф // Московский пушкинист. Вып. II. М., 1996.

⁴⁹ «Шесть раз Пушкин гостил в Тверской губернии: осенью 1828, в январе, весной и осенью 1829, весной 1830 и в августе 1833 года. <...> В Малинниках и Павловском он создал около двадцати художественных произведений» (Черейский Л. А. Пушкин и Тверской край. Калинин, 1985. С. 7, 15).

⁵⁰ Зеньковский В. В., прот. Указ. соч. С. 339.

⁵¹ «Вид Натальи Николаевны вызывал ассоциации с изображением Богоматери <...> Когда Пушкин увидел ее впервые в белом платье с золотым обручем на голове — эти знаки чистоты и святости могли закрепить ассоциацию и способствовать восприятию будущей жены как Мадонны. <...> В дальнейшем Пушкин часто называет жену Мадонной — в письмах к ней, в разговорах с друзьями» (Сурат И. З. Жизнь и лира. С. 11—12).

⁵² «...В лице Натальи Николаевны был найден искомый лик, потому что есть разительное сходство портрета молодой Гончаровой с иконой Богоматери „Знаменья“ Царскосельской» (Касаткина Т. Что считать событием биографии? История любви к Мадонне: Пушкин, Достоевский, Блок // Вопросы литературы. 2016. № 2. С. 53).

⁵³ «Белокурая Мадонна» — это старинная копия «Мадонны» Рафаэля, выставленная для продажи в витрине книжного магазина И. Сленина на Невском проспекте.

⁵⁴ Иваницкий А. И. Поэзия Пушкина как мифология поведения. М., 2016. С. 97.

(„Акафист Богородице“, VI или VII в.)»⁵⁵, и учитывая пояснение И. Сурат о том, что смешение Мадонны и Венеры «проявляется в живописи Ренессанса, в частности у Боттичелли», что «„Мадонны“ Рафаэля с их чертами чувственной любви — в русле этой традиции», которая «повлияла на Пушкина»⁵⁶, заметим, что «звезда» в стихотворении «Зимнее утро» приобретает глубокий символический смысл, органично соединяя утреннюю звезду Венеру, богиню любви и Мадонну.

В нашем целостном и ценностном восприятии стихотворения «*красавица*»⁵⁷ является **женой** поэта, «хранительницей домашнего очага, источником и предметом любви» (В. Непомнящий), семейной любви — новой, чистой, безгрешной, освященной венчанием в церкви и несхожей с прежними неутолимыми страстями и увлечениями. «Интуиция целого» (А. Михайлов) нам подсказывает, что идея дома как малой церкви, идея **святости семьи и дома** оказывается спасительной для поэта и главной, ключевой в этом стихотворении, ибо подлинная встреча и подлинная любовь, освященная венчанием, является чистой, непорочной, святой, является одним из путей к небу. Кажется, только человек, создавший свой дом и нашедший счастье в семье и благодаря этому освободившийся от власти греховных страстей, способен так победительно противостоять вьюге-смерти⁵⁸ и нечистой силе, «*бесам разным*», способен на такую радость и восторг от красоты божественной природы, на такое чувство гармонии со всем миром и глубокого душевного покоя.

Еще П. Анненков (1813—1887), один из первых пушкинистов, заметил, что «Зимнее утро» проникнуто «поэзией домашнего очага и северной природы»⁵⁹. Отдельные детали «дома как образа семейного уюта и гармонического порядка» (А. Афанасьев) появляются во второй и четвертой строфах: «*окно*», «*комната*», «*печь*»⁶⁰, «*лежанка*»⁶¹. Само слово «дом» неоднократно появлялось в черновых вариантах стихотворения: «*Сияет озаренный светом / Наш дом*»; «*Сияет озаренный блеском / Наш дом*»; «*Наш дом блестит янтарным блеском*...»⁶²

Подобно тому как «*под голубыми небесами*» вся земля (поля, леса, речка) освещена солнцем⁶³, как «*вся комната янтарным блеском / Озарена*», как «обыденный вид деревенской комнаты с топящейся печью озарен особенным солнечным и поэтическим светом»⁶⁴, так любовь и семья озарены Божественным светом, «светом истины», освящены венчанием в церкви.

⁵⁵ Аверинцев С. С. Собр. соч. София — Логос. Словарь. Киев, 2006. С. 286.

⁵⁶ Сурат И. З. Жизнь и лира. С. 72.

⁵⁷ Как замечает А. Чичерин, «образ героини этих стихов несколько не похож на провинциальных блондиночек из стихотворения „Зима. Что делать нам в деревне?“» (Чичерин А. Указ. соч. С. 320).

⁵⁸ Петербургский литературовед С. Кибальник утверждает, что у Пушкина «трактовка темы смерти входит <...> в диалектику смены возрастов в человеческой жизни», что в лицейский период дается «уныло-элегическая интерпретация темы смерти», в петербургский — «эпикурейская», в одесский период — «любовно-элегическая», а в стихотворении «Дорожные жалобы» (1830) «полному смертельных опасностей и неутному бытию путешественника противопоставлен идеал Дома» (Кибальник С. А. Смерть у А. С. Пушкина как поэтическая и религиозная тема // Христианство и русская литература. СПб., 1994. С. 157, 170).

⁵⁹ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 208.

⁶⁰ В соответствии с традиционными славянскими представлениями печь является одним из сакральных центров дома и «воплощает собою идею дома в аспекте его полноты и благополучия» (Топоров В. Н. Печь // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 310).

⁶¹ «...Лежанка — невысокий уступ у русской печки, на котором, греясь, отдыхали или спали» (Шанский Н. М. Указ. соч. С. 286).

⁶² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 2. М., 1949. С. 769.

⁶³ «Солнце именуют святым, божьим и праведным <...> У всех славян солнечный свет, как и само солнце, считается благом: где солнце светит, туда Бог смотрит» (Славянские древности. С. 104).

⁶⁴ Чичерин А. О стиле пушкинской лирики. С. 319.

Литературоведы, сторонники историко-биографического подхода в изучении лирики Пушкина, могут возразить: в 1829 году Пушкин еще не был женат. И действительно, как предполагают многие пушкинисты, поэт впервые увидел шестнадцатилетнюю красавицу Наталью Гончарову в конце декабря 1828 года⁶⁵, в самый канун Рождества⁶⁶; 30 апреля 1829 года Пушкин делает предложение, но получает уклончивый ответ («надо подождать и посмотреть», «дочь еще слишком молода») и уже 1 мая уезжает на Кавказ, откуда возвращается в Москву в конце сентября; 6 апреля (в Пасху) 1830 года сватается вторично, и родители любимой дают согласие, 6 мая было объявлено о помолвке, и только 18 февраля 1831 года в Москве, в церкви Вознесения Господня Пушкин обвенчался с Натальей Николаевной⁶⁷.

Казалось бы, эти факты неопровержимо противоречат предложенной трактовке стихотворения, но все-таки можно предположить, что Наталья Николаевна в стихах раньше, чем в жизни, становится женой поэта и «*другом милым*». Пушкин в воображении, в мечтах представил и в стихах выразил то радостное переживание семейного счастья, которое позже осуществилось в жизни. Как пишет Н. Гей, «идеальное под пером Пушкина не претендует на реальность, а становится ею»⁶⁸. Наше предположение может быть подкреплено очень важным обобщением В. Непомнящего: «Привыкли думать, лирика Пушкина — „отражение“ действительности: сначала было в „биографии“, потом „отразилось“ в поэзии. Но ведь это заблуждение <...> Для того чтобы „милый предмет“ был воплощен в стихах, ему вовсе необязательно наличествовать в действительности, он может быть поэтом воображен, музой „оживлен“ — и так начать существовать, а мы думаем, что он есть на самом деле...»⁶⁹

Известный в середине XX века чтец А. Шварц (1896—1954), считая, что главная мысль стихотворения «Зимнее утро» состоит в утверждении: «Жизнь прелестна», — рассматривал отношения лирических героев как неопределенные: «Он влюблен в нее. Она заметно холодновата»⁷⁰. Это мнение петербургский методист В. Маранцман (1932—2007), автор многих учебников и пособий для средней школы, развивает в целую концепцию: «разночувствие» поэта и «красавицы» рождает «внутренний конфликт стихотворения, в котором звучит борение между зимним оцепенением и желанием полноты жизни. Контрасты строф открывают напряжение этого конфликта. <...> Чувство лирического героя диссонирует с этой неполнотой жизни, которая заметна и в сонной „красавице“, и в беззвучном покое зимы, и в милом, но замкнутом уюте комнаты. „Приятно думать у лежанки“ — это „нега“, а не восторг. И потому возникает желание оставить мирный уют комнаты и отдаться движению, простору»⁷¹.

В нашем восприятии «разночувствие» поэта и спящей (а не сонной) «красавицы», которая как будто является органической частью заснувшей зимней природы, волшебного царства сна, не приводит ни к какому конфликту и не разрушает удивитель-

⁶⁵ По мнению И. Сурат, «наиболее вероятная дата этой встречи — 23 декабря» (Сурат И. З. Жизнь и лира. С. 10).

⁶⁶ В книге В. Старка (1945—2014), посвященной 175-летию со дня свадьбы Пушкина и Натальи Гончаровой, мы читаем: «В самом конце декабря 1828 г. на одном из детских балов, которые ежегодно давал на Рождество для своих учеников и учениц танцмейстер Петр Андреевич Иогель, Пушкин впервые увидел Наталью Гончарову» (Старк В. П. Жизнь с поэтом: Наталья Николаевна Пушкина. В 2 т. СПб., 2006. Т. 1. С. 190).

⁶⁷ См.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина в четырех томах. Т. III. 1829—1832. Сост. Н. А. Тархова. М., 1999.

⁶⁸ Гей Н. К. Указ. соч. С. 82.

⁶⁹ Непомнящий В. С. Пушкин. Русская картина мира. М., 1998. С. 201.

⁷⁰ Шварц А. В лаборатории чтеца. М., 1968. С. 111.

⁷¹ Маранцман В. Г. Изучение творчества А. С. Пушкина в школе. В 2 ч. Ч. 1. М., 1999. С. 89.

ной гармонии, царящей в художественном мире стихотворения. Необыкновенная красота «друга прелестного» и природного мира сливаются для поэта в одно гармоничное целое. Зима как особое состояние русской природы находится в полной гармонии с «русской душой» не только Татьяны Лариной в «Евгении Онегине», но и лирической героини «Зимнего утра».

А сон «красавицы» имеет особое, символическое значение. Подобно тому как король в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях» своей любовью воскрешает царевну, что «можно рассматривать как аллюзию на евангельский эпизод о пробуждении Христом девицы — дочери начальника»⁷² (См.: Мф. 9: 23—25; Мк. 5: 38—43), так поэт в стихотворении «Зимнее утро» своим призывом («Пора, красавица, проснись...»), своим словом творца, своей любовью стремится пробудить «красавицу», которая, как и зимняя природа, пребывает как будто в волшебном сне. Но в отличие от естественного временного «сна» природы, **духовный сон** человека, согласно Новому Завету, грозит гибелью его душе, является необходимым условием торжества зла.

«Красавица», как будто заколдованная, усыпленная морозом, но сохраняющая целомудренную чистоту, пока еще остается «холодной» и «равнодушной» (ср.: «И равнодушная природа / Красною вечною сиять»)⁷³. Поэт видит в ее красоте отражение лика Мадонны и стремится пробудить в ней «духовную жажду», чтобы природное преобразилось в духовное⁷⁴; и проснуться для «красавицы» — это значит самой увидеть в поэте отражение лика Божьего, оценить в нем божественный творческий дар. А залогом этого пробуждения и преобразования души «красавицы» является любовь поэта, его надежда, его вера, его вдохновенное слово.

Подобно тому как **Христос (Солнце)**⁷⁵ приходит на Землю, чтобы пробудить каждого человека-язычника от духовного сна к Вечной жизни и спасти его душу, так поэт своим словом должен пробудить спящую при свете **луны** «красавицу», чтобы ее преображенная душа, подобно **звезде**, осветила ночной мир. Подобно тому как зимним утром чудесным образом преобразилась природа, так возможно и чудесное преобразование души человека⁷⁶.

Особое значение в стихотворении Пушкина имеет образ **окна**, которым заканчивается вторая строфа и о символическом смысле которого в мифологии так пишет филолог В. Топоров (1928—2005): «Окно-око связано с другим оком — солнцем. Они соприродны и единосущны как носители света <...> Образ девицы у окна симметричен образу солнца, светящего в окно, откуда и уравнение: девица-солнце (ср. в загадке о солнце: Красная девушка в окошко глядит) <...> Окно становится символом глубочайшего чувства»⁷⁷.

⁷² Иванов В. В. О евангельском смысле метафоры сна в оде А. С. Пушкина «Пророк» и романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот» // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков. Вып. 3. Петрозаводск, 2001. С. 349.

⁷³ Напомним, что Пушкин в своих письмах отмечал спокойное, почти равнодушное отношение к нему и к его стихам со стороны юной Натальи Гончаровой в 1829 году. И. Сурат пишет: «Пушкин приезжает с Кавказа в Москву около 19 сентября 1829 г. и сразу едет к своей будущей невесте, но встречает холодность, рассеянность и безразличие со стороны Надежды Николаевны» (Сурат И. З. Жизнь и лира. С. 19).

⁷⁴ Как отмечает современный петербургский исследователь, «восприятие духовное всегда возводит мысль поэта от земной красоты к мысли о Боге» (Кошемчук Т. А. Русская поэзия в контексте православной культуры. СПб., 2006. С. 113).

⁷⁵ Солнце — традиционное в христианстве наименование Христа.

⁷⁶ В письме к жене 21 августа 1833 г. Пушкин напишет: «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, а душу твою люблю я еще более твоего лица».

⁷⁷ Топоров В. Н. Мифология: Статьи для мифологических энциклопедий. Т. 1. М., 2014. С. 568, 571.

Если в раннем стихотворении «Окно» (1816) страстная дева «*темною порою, / Когда пустынная луна / Текла туманною стезею*», через окно «*боязливо*» впускает в дом к себе желанного любовника, то в «Зимнем утре» мы видим замещение фольклорного (языческого) образа «девицы у окна»⁷⁸ христианским образом поэта-солнца. Не печь, в понимании язычников являющаяся центром избы и мира, но именно окно, подобное иконе и как будто выполняющее в избе функцию красного угла, обращенного на восток, откуда восходит солнце⁷⁹, оказывается ключевым образом стихотворения⁸⁰. Христианский образ окна соединяет в гармоническое целое микрокосм дома и семьи с макрокосмом природы, России, Божьего мира.

Современный философ Ю. Лисица (составитель и комментатор первого в России собрания сочинений И. Ильина) цитирует «Зимнее утро» («*Под голубыми небесами / Великолепными коврами, / Блестя на солнце, снег лежит...*») и продолжает: «Здесь красота явлена нам: божественные небеса, потому что в них совпадает действительная реальность и божественная символика, дневной снежный покров <...> и свет солнца — источника жизни, тепла, ласки — божественного светила (всех религий), и блеск снега, который без произнесения поэтом лишних слов — бел, чист и великолепен, как само Божество»⁸¹.

Зима у Пушкина описывается в таких сияющих, солнечных красках, что создается впечатление, как будто в образе снега представлен небесный рай, перенесенный на землю и воплощенный самой природой⁸². Как отметил В. Зеньковский, «Пушкину принадлежит великая заслуга раскрытия того, что эстетическое восприятие мира влечет к „соседству Бога“»⁸³. Райское волшебство зимы, виды блистающих снежных ковров, великолепия застывшей природы не сковывает поэта, не погружает его в сон, но, напротив, создает повышенную жажду деятельной жизни и желание «*предаться бегу нетерпеливого коня*». Зима для Пушкина, выражающего русское мироощущение, означает красоту и сияние мира.

Особое значение имеет последняя строфа стихотворения, заканчивающегося мотивом **пути**, движения⁸⁴. Если в «Телеге жизни» (1823) впервые жизнь у Пушкина обобщается в образе дороги, с пейзажем и бытовыми деталями, если в «Зимней дороге»

⁷⁸ В черновиках Пушкина был и такой вариант: «печально ты сидела / Глядя задумчиво в окно» (III, 2, 768).

⁷⁹ «Святые Отцы употребляли слово „икона“ в более широком смысле, чем тот, к которому мы ныне привыкли. Весь мир, сотворенный Богом, они понимали как икону Божию, как произведение совершенного Художника. <...> Возможности использования понятия „икона“ по отношению к православным явлениям исключительно, а может быть, и неограниченно широки: все — икона, все — иконично» (Лепяхин В. В. Икона и иконичность. СПб., 2002. С. 3–4); «Икона — как богословие Святой Православной Церкви в красках, как образ Первообраза, как окно в Царство Божие...» (Лепяхин В. В. Икона в русской художественной литературе. М., 2002. С. 7).

⁸⁰ Окно уподобляется иконе и в стихотворении А. Ахматовой «Молюсь оконному лучу...» (1909), где происходит чудесное преображение комнаты в «храм» («Но в этой храмине пустой...»), а в душе лирической героини чувство невыносимой боли («сердце пополам») вытесняется радостью открытия «в вечерней тишине» божественной красоты простого, обыденного и вещного мира. Подобное значение имеет образ окна и в стихотворении С. Есенина «В хате» (1915), где выражена идея святости дома, «храма-избы» («На дворе обедню стройную / Запевают петухи»).

⁸¹ Русский колокол. 2013. № 3 (12). С. 10.

⁸² Есенин в 1914 году напишет: «Если крикнет рать святая: / „Кинь ты Русь, живи в раю!“ / Я скажу: „Не надо рая, / Дайте родину мою“».

⁸³ Зеньковский В. Указ соч. С. 343.

⁸⁴ Начиная с «Предчувствия» (1828), утверждает И. Сурат, «тема пути и дома становится одной из главных лирических тем и стягивает к себе важнейшую для 1828–1830 гг. проблематику» (Сурат И. З. Жизнь и лира. С. 77).

(1826) изображен путь в никуда, а в «Дорожных жалобах» (1829) жизненная дорога предстает тоскливо-бесприютной и желанным окончанием дороги становится родной дом («О деревне, о невесте / На досуге помышлять»), если в «Бесах» (1829—1830) зимняя «нечисть», заноса дорогу, заманивает путника в гибельный мир, то в «Зимнем утре» мы видим спасительный для поэта путь «под голубыми небесами», путь к природе как духовно-исторической «почве» и к родовому дому как «милому берегу», «милому пределу», родному «уголку земли», символизирующему Россию в целом.

Если во многих стихотворениях 1828—1830 годов одной из ключевых является оппозиция пути и дома и прошла жизнь осознается как путь греховный, «широкий путь», грозящий духовной гибелью, то в «Зимнем утре» эта оппозиция снимается и мотив **пути**, мотив нового жизненного пути, естественно связан с идеей **дома** и **семьи**, и этот «узкий путь» освещен солнечным светом, освящен венчанием в церкви и символизирует духовное восхождение. Радость движения («бег нетерпеливого коня»⁸⁵) есть то, что объединяет в стихотворении «красавицу» и поэта, зимнюю природу и Россию в одно гармоническое целое.

«Зимнее утро» символизирует близкое начало новой, семейной жизни поэта, совершившего, по словам И. Ильина, «свой духовно-жизненный путь <...> от юношеского многолюбия — к культуре семейного очага»⁸⁶, и глубоко знаменательно то, что реальное венчание поэта с Натальей Николаевной произойдет именно зимой. У Пушкина не просто изменилось «бракоощущение» (Вл. Ходасевич) и «мироощущение» (С. Ломинадзе), но и появилось глубоко продуманное понимание необходимости православного домостроительства семьи, о чем, по сути, так говорит В. Непомнящий: «Дом для Пушкина — ценность важнейшая, коренная, бытийственная. Дом — жилище, убежище, область покоя и воли, независимость, неприкосновенность. Дом — очаг, семья, женщина, любовь, продолжение рода, постоянство и ритм упорядоченной жизни, „медленные труды“. Дом — традиция, преемственность, отечество, нация, народ, история. Дом — „родное пепелище“ — основа „самостоянья“, человечности человека, „залог величия его“, осмысленности и неодионочества существования. Понятие сакральное, онтологическое, величественное и спокойное; символ единого, целостного большого бытия»⁸⁷.

«И берег, милый для меня», которым заканчивается «Зимнее утро», — это, конечно же, **Михайловское**⁸⁸, о котором в 1835 году Пушкин напишет: «Вновь я посетил / Тот уголок земли, где я провел / Изгнанником два года незаметных...», а в одном из вариантов стихотворения появятся слова: «Поэзия как ангел утешитель / Спасла меня, и я воскрес душой»; куда Пушкин вместе с «другом милым» так и не доехали, что осталось для него неосуществимой мечтой: «Давно завидная мечтается мне доля — / Давно, усталый раб, задумал я побег / В обитель»⁸⁹ дальнюю трудов и чистых нег». К незаконченному стихотворению «Пора, мой друг, пора...» (1834) Пушкин пишет следующий план его

⁸⁵ Вспомним слова Гоголя: «И какой же русский не любит быстрой езды?..» А в финале первого тома «Мертвых душ» появляется образ Руси как птицы-тройки, которая несется, «вся вдохновенная Богом», появляется образ Руси как «Божьего чуда».

⁸⁶ Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина // Ильин И. А. Т. 6. Кн. 2. С. 50.

⁸⁷ Непомнящий В. С. Указ. соч. С. 192—193.

⁸⁸ «Село Михайловское и его окрестности представляют собой на карте русского северо-запада важнейшее историко-географическое окно. Здесь проходила граница между среневековыми Литвой и Москвой — в ней было открыто это окно» (Балдин А. Н. Притяжение точки: литературные путешествия. Карамзин и Пушкин. М., 2009. С. 349).

⁸⁹ «Это слово обозначает особый тип домоустройства, в котором порядок земной жизни строго подчинен Божественным заповедям» (Радомская Т. И. Обретение Отечества: Русская словесность первой половины XIX века. М., 2004. С. 140).

продолжения: «Юность не имеет нужды at home; зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен кто находит подругу — тогда удались он домой. О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь etc. — религия, смерть» (III, 2, 941).

В реальной жизни поэтической мечте Пушкина об «обители» не дано было осуществиться⁹⁰, и, может быть, бессознательное предчувствие этого выражено в «легкой грусти» (Ю. Чумаков) в последней строфе «Зимнего утра», но «это только усиливает ликующий, мажорный тон стихотворения»⁹¹.

И. Сурат в своей содержательной работе «Жил на свете рыцарь бедный...» анализирует «Легенду» (1829—1830) в контексте лирики 1828—1830 годов, чтобы определить, какое место занимает это стихотворение в духовной биографии Пушкина, и приходит к выводу, что пути «блужданий и заблуждений», пути, который «сопровождается чувством тоски, уныния, страха», предчувствия беды и близкой смерти («Предчувствие», «Дар напрасный, дар случайный...», «Дорожные жалобы», «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», «Бесы», «Элегия» и др.), пути, связанном с чувством собственной вины и раскаяния («Воспоминание»), противопоставлен в «Легенде» «небесный», праведный путь спасения, путь «жертвенной, девственной, по-своему религиозной любви», в реальной жизни недоступный для самого поэта⁹². Но исследователь в своей концепции не учитывает, не замечает, даже не упоминает стихотворение «Зимнее утро», в котором воплощена мечта поэта о спасительном **земном пути** — пути создания своей семьи, своего дома, пути чудесного восстановления утраченной детской гармонии с божественным миром, когда место матери занимает **жена**, «красавица», в определенной степени ставшая земным воплощением Мадонны. И в этом раскрывается мудрая зрелость поэта и человека, которому для внутренней гармонии — гармонии духовного, душевного и телесного начал — необходимы истинная вера в Бога («Пророк», 1826) и семья (жена, дети), истинная, христианская любовь. Как отмечает В. Непомнящий, «природа высших истин такова, что они суть простые истины»⁹³.

В нашем восприятии «Зимнее утро», подобное чистому роднику, в котором не иссякает живая вода, — это **чудо русской поэзии**, это стихотворение, которое помогает каждому читателю почувствовать **радость** и осознать жизнь как Божий дар; это чудо красоты и творческого вдохновения, чудо рождения волшебной музыки слов, чувства удивления, радости и счастья, поэтических чувств, пробуждающих «думы» о высшем и таинственном смысле и собственной земной жизни, и бытия России, и бытия всего человечества, всего мироздания.

Без реального переживания этого чуда, без осознанного понимания того, что каждый миг нашей жизни может стать чудом, открывающим нам земную и небесную красоту, человеку, обреченному на неизбежную физическую смерть, грозит тоскливое и безнадежное понимание полной бессмыслицы своего существования («...и всех нас гроб, зевая, ждет»). Память об этой чудесной радости «зимнего утра» поможет человеку пережить, преодолеть, победить, казалось бы, невыносимую боль отчаяния, когда в его жизни наступает период «ночи» с ее неизбежными «вьюгами» и «бурями» и кажется, что навсегда уходят вера, надежда, любовь, а жизнь воспринимается как обреченный путь в вечную темноту.

⁹⁰ В книге В. Кунина мы читаем о том, что после гибели Пушкина Наталья Николаевна «почти два года прожила в деревне — Полотняном Заводе.< ...> Потом она возвратилась в Петербург. Растила детей. Заботилась о средствах к жизни. Поехала — впервые — в Михайловское. Поставила памятник на могиле Пушкина. Долго еще не выходила замуж» (Друзья Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники. В 2 т. Т. 2. М., 1985. С. 455).

⁹¹ Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999. С. 331.

⁹² Сурат И. З. Жизнь и лира. С. 5—115.

⁹³ Непомнящий В. С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. М., 2001. С. 121.

В стихотворении «Зимнее утро», открывшем поэзию семейной любви, вместе с образом домашнего очага и русским зимним пейзажем, вместе с образом бескрайних российских просторов входит тема **родины**⁹⁴, **России**⁹⁵, одна из ключевых тем в творчестве Пушкина, поэта, из уст которого, по словам И. Ильина, «раздался и был пропет Богу от лица России **гимн радости** сквозь все страдания <...> гимн победы над хаосом»⁹⁶.

В нашем восприятии «Зимнее утро» — это призыв к пробуждению и преображению, это обращение поэта не только к «*красавице*», но и к каждому современному читателю, ибо трагический XX век воспринимается сегодня как страшный сон России и русского народа, ибо и сегодня «губительно прогрессирует наука разрушения <...> разрушается христианский дух, губительно прогрессирует апостасия»⁹⁷, ибо воскресение великой России зависит от духовного преображения каждого человека и спасительно и благодатно для человека и для России только мировоззрение, проникнутое религиозным смыслом бытия. Существовая в «большом времени», именно таким смыслом для нас сегодня наполняются образы пушкинского стихотворения.

«Зимнее утро» — это как будто поэтическая молитва русского поэта⁹⁸, художественное слово которого, рожденное в минуты истинного вдохновения, приобретает символический⁹⁹, почти сакральный смысл и оказывается подобным призывам святого апостола Павла в послании к Ефессянам: «**Потому сказано: „встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос“**» (Еф. 5: 14) — и в первом послании к Фессалоникийцам: «**Всегда радуйтесь**» (1 Фес. 5: 16)¹⁰⁰.

⁹⁴ «...В зимнем пейзаже Пушкин видел нечто специфически русское, и чувство природы тесно сливалось для него в данном случае с чувством родины» (Саводник В. Ф. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М., 1911. С. 64).

⁹⁵ Наше прочтение стихотворения «Зимнее утро» органично вписывается в общую трактовку «зимнего» цикла Пушкина, предложенную еще в давней работе В. Непомнящего: «На протяжении нескольких лет стихийно складывался лирический цикл, в котором сюжетную роль играла тема дороги, чаще всего зимней; тема, идущая от метафорического „путника запоздалого“ в „Зимнем вечере“ (1825) до „Дорожных жалоб“ (1830), от „Зимней дороги“ (1826) до „Зимнего утра“ (1829) — и всегда связанная с темой конечной цели: дома — прибежища, очага и оплота, — с темой покоя. Непременна здесь тема женщины, хранительницы этого очага, источника и предмета любви. И неременен образ родины, ее природы, ее песен, поэзии и прозы ее жизни» (Непомнящий В. К творческой эволюции Пушкина в 30-е годы // Вопросы литературы. 1973. № 11. С. 129–130).

⁹⁶ Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина. С. 69.

⁹⁷ Архим. Константин (Зайцев). Указ. соч. С. 337.

⁹⁸ «Его художественным актом была молитва; его молитвой была поэзия; а поэзия его была на грани подлинного совершенства» (Ильин И. А. Александр Пушкин как путеводная звезда русской культуры. С. 238).

⁹⁹ «Истинная поэзия — а, стало быть, поэзия Пушкина — всегда символична. <...> чем она проще и менее притязательна, чем более наивно она описывает самое простое, эмпирическую действительность и личный душевный опыт поэта — тем более эффективна невыразимая магия искусства, превращающая простые, общеизвестные явления в символы глубочайших новых откровений, и тем полнее и убедительнее символический смысл поэтического творения. Такого рода неумышленный, гениально-наивный символизм присущ поэзии Пушкина...» (Франк С. Л. О задачах познания Пушкина. С. 78).

¹⁰⁰ Для современного человека смысл этой христианской радости раскрыл сербский святой преподобный Иустин (Попович; 1894–1979): «Всегда радуйтесь, поскольку зло, смерть, грех, диавол и ад побеждены. А когда все это побеждено, есть ли что-нибудь в этом мире, что может уничтожить нашу радость? Вы — совершенные господа этой вечной радости до тех пор, пока добровольно не предадитесь греху, страсти и смерти <...> Всегда радуйтесь, поскольку вы сильнее смерти, ада, зла, греха и диавола» (Архим. Иустин (Попович). Толкование на 1-е послание к фессалоникийцам святого апостола Павла. М., 2000. С. 157–158).